

УДК 327:140.8 (575.2) (04)

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ АФГАНСКОГО КОНФЛИКТА

И.В. Задорожный – аспирант

One of the components of the Afghan mentality is the Islamic component, which in the history of Afghanistan more than once has played the role of a consolidating instrument used both for the unification of all people against foreign invaders and for struggle against certain ethnic groups. The Islamic clergy has always played a significant role in the political and social life of the country. The appearances of Taliban on the Afghan arena and the mass support rendered to it by a substantial part of the population have become in many respects the manifestation of this process.

Среди исследователей многолетнего конфликта в Афганистане не утихают споры об определяющей причине конфликта между сторонниками религиозной и этнической мотивации. Между тем, для раскрытия данного вопроса необходим тщательный анализ происходивших в Афганистане событий на рубеже 60–80-х годов двадцатого столетия.

Одним из неотделимых компонентов афганского менталитета является исламский, который в истории Афганистана неоднократно играл роль консолидирующего инструмента, использовался не только для объединения всего народа против иноземных захватчиков, но и для борьбы с отдельными этническими группами.

Известно, что большинство пуштунов исповедует ислам сунитского толка, приверженцами шиизма являются тури, некоторые кланы племени оракзаев Тираха, отдельные роды племени бенгали Верхнего Куррама, клан мани племени фарида, а также хазарейцы, горные (припамирские) таджики, часть чараймаков, кызылбаши и персы. В рамках суннизма в стране существует несколько суфийских орденов. Наиболее известные из них: орден чиштия¹ (представители которого прибыли из Северной Индии и обосновались на западе стра-

ны), орден сухравардия (восток Афганистана), орден накшбандия (север и центральная часть страны), орден кадирия (северо-запад Афганистана).

Шиизм представлен несколькими сектами. Наиболее крупная из них – секта имамитов, насчитывающая более миллиона человек (около 60 процентов всех шиитов), они проживают на западе и северо-востоке Афганистана. Это – персы, кызылбаши, моголы, теймуры, некоторые пуштунские племена, часть горных таджиков. Секта али-иллахи, учение которой проникло из Ирана. Ее приверженцы насчитывают несколько сотен тысяч человек в провинции Герат. Это – джамиды, часть хазарейцев и теймуров. Еще одна влиятельная секта – исмаилиты (более 200 тысяч человек) – представлены в основном горными таджиками Памира и Бадахшана.

Мусульманское духовенство в Афганистане весьма многочисленно – около 260 тысяч человек². При отсутствии организационной структуры в исламе духовенству присуща неписаная иерархия. Его высший слой – сеиды (считают себя потомками пророка Мухаммада), хазраты, шейхи, пиры (главы религиозных сект и орденов), имамы соборных мечетей, крупные богословы – обладают немалой соб-

¹ Коргун В. Ислам и власть // Азия и Африка сегодня. — № 10. — 1995. — С. 25.

² Там же. — С. 26.

ственностью и большим духовным влиянием. Средний слой – маулави (получившие среднее духовное образование), имамы мечетей, муллы, мусульманские судьи (кази), учителя медресе. Низшая категория – хатибы (чтецы Корана), муэдзины (призывающие мусульман к молитве). Особенно влиятельны сельские муллы, которые не только отправляют религиозные обряды, но часто выступают в роли учителей, наставников, судей¹.

Исламское духовенство всегда играло заметную роль в политической и общественной жизни страны. Так, именно лицам духовного звания удалось мобилизовать народ под лозунгами “джихада” – войны против “неверных” – и в известной мере возглавить сопротивление британским колонизаторам, принявшее общенациональный характер в трех англо-афганских войнах (1838–1842 гг., 1878–1880 гг., 1919 г.). Роль ислама в политической истории Афганистана тесно связана с джихадом². Например, эмир Абдуррахман объявил джихад язычникам – “кафирам” и силой обратил их в ислам в 1896 г., после чего область их проживания получила название Нуристан (“Страна света”). В последующем пришедший к власти эмир Аманулла объявил джихад британским колонизаторам и добился независимости Афганистана в 1919 г. Поэтому в первые годы правления он получил поддержку широких слоев населения, в том числе мусульманского духовенства как защитник ислама. Однако вскоре мусульманские клерикалы выступили против его реформаторской политики, объективно ущемлявшей интересы консервативных кругов духовенства. Они идеологически возглавили антиправительственное движение, которому была придана форма джихада против “безбожного” эмира.

В период правления Надир-шаха (1929–1933 гг.) духовенство заняло важные позиции в новой системе государственного управления,

хотя и было поставлено под государственный контроль. Именно при Надир-шахе основой законодательства стал шариат, а также был основан “Совет улемов” – “Джамаат-е улама”, в обязанности которого входили законодательство и контроль за выполнением религиозных предписаний всеми правительственными учреждениями. Активно следили за религиозной благонадежностью населения страны. Этим занималось специальное Министерство контроля – “Уазират аль-ихтисаб”, особенно ревностно боровшееся с потреблением запрещенных в пищу продуктов и алкоголя. Начавшийся таким образом процесс превращения Афганистана в фундаменталистское государство завершился в 1931 г. принятием новой конституции. Первая ее статья провозглашала официальной религией в стране суннитский ислам ханифитской школы (наиболее умеренной из всех четырех школ исламского законодательства). Государственное образование передавалось отныне в руки духовенства, избирательным правом наделялись исключительно мужчины. Это был поистине “золотой век” афганской мусульманской ортодоксии, достижения которого уже в 90-е годы послужили моделью для идеологов движения “талибан”.

В послевоенный период в процессе начавшейся модернизации страны роль мусульманского духовенства в политической и общественной жизни неуклонно снижалась. Но во время правления Захир-шаха фундаменталистский ислам продолжал занимать ведущие позиции во внутренней афганской политике и даже развивался, несмотря на благие намерения Захир-шаха провести ряд чрезвычайно необходимых реформ, прежде всего в области образования, экономики и армии. В 1944 г. правительство основало школу для изучения законов шариата, которая шесть лет спустя была преобразована в теологический факультет Кабульского университета³. Именно тогда установилось прочное сотрудничество между данным учебным заведением и знаменитым на весь исламский мир теологическим университетом Аль-Азхар в Каире. Значение этого шага трудно переоценить, поскольку благодаря ему

¹ Молдалиев О.А. Радикальный ислам: угроза или фантазия? Материалы региональной конференции по Центральной Азии: Безопасность и стабильность после разгрома движения Талибан // Европейский центр изучения безопасности Джорджа Маршалла. – Стамбул, 2002.

² См. Коргун В. Указ. раб. – С. 27.

³ Михаил Фальков. Афганский ящик Пандоры. – М., 1996. – С. 35.

подготовка теологических кадров в Афганистане вышла на качественно иной уровень, а кроме того, установились гораздо более тесные контакты между афганскими и египетскими фундаменталистами, что, в свою очередь, повлияло на проникновение в Афганистан идей знаменитого основателя и лидера египетской “Ассоциации братьев-мусульман” Хасана аль-Банни¹, которые в местной ультраортодоксальной среде дали вскоре весьма обильные всходы. Таким образом, в условиях проводившегося в 60-е годы “демократического эксперимента”, сопровождавшегося ростом политической активности населения, начался быстрый процесс политизации ислама². Как и парламент, Кабульский университет, ставший центром деятельности молодых афганских фундаменталистов, являл собой также центр межплеменных и межконфессиональных контактов, поскольку из 3000 его студентов (на 1962 г.) половину составляли выходцы из провинций. И, подобно парламенту, университет, и, в частности, созданные в 1969 г. два кружка молодых исламских фундаменталистов на богословском и инженерном факультетах Кабульского университета, были эпицентром общественных противоречий. Деканом теологического факультета был Голям Мухаммад Ниязи, в свое время учившийся в университете Аль-Азхар и именно там попавший под влияние идеологии “Ассоциации братьев-мусульман”. Эти два кружка объединились и вели активную общественную деятельность растущего исламского движения под эгидой организации “Мусульманская молодежь” (МУМ). Движение организовал и возглавил Г.М. Ниязи, также в числе его руководителей были будущие творцы “исламской революции” в Афганистане – Г. Хекматъяр и Б. Раббани. Своей основной целью они объявили захват политической власти в стране, борьбу против левых сил, поддерживавшихся Москвой, и режима Захир Шаха, способствовавшего, как они считали, распространению в стране западного влияния и коммунистических идей. Рупором для агитации, проводившейся орга-

низацией “Мусульманская молодежь”, являлось печатное издание “Тахиз” (“Утро”), основанное еще в 1968 г. Умело организованная информационная работа способствовала росту влияния исламистов по всей стране в 1972–1973 гг., особенно среди провинциальной молодежи, выпускников средних школ, профессиональных колледжей и технических институтов. Частым явлением стали массовые демонстрации исламистов и их уличные столкновения с марксистами. В общей сложности в период с 1965 по 1973 г. исламистами и их противниками было организовано по всей стране более 2000 демонстраций и митингов.

Таким образом, антиклерикально настроенная оппозиция перешла к более активной борьбе за свои идеалы, выступая с резкой критикой в адрес духовных авторитетов за их консерватизм и средневековый фанатизм. На этом фоне обострившихся противоречий в обществе в сентябре 1953 г. к власти в стране пришло правительство Мухаммада Дауд-хана – двоюродного брата Захир-шаха и в прошлом командира кабульского гарнизона афганской армии. Своей основной задачей новый премьер считал модернизацию и укрепление вооруженных сил страны. Одновременно с преобразованиями в военной области Дауд-хан принялся за проведение ряда далеко идущих реформ в экономике и системе общего образования.

Взятые на вооружение афганскими фундаменталистами доктрины египетских “Братьев-мусульман”³ базировались на ортодоксальном исламе и включали в себя две основные идеи: религия ислама выражает наднациональную общность всех мусульман, ислам – не только религия, но и образ жизни, в нем можно найти ключ к решению всех проблем, т.е. он полностью самодостаточен и отвергает любые “демократические и иные западные ценности”. Эти взгляды теоретиков “Братьев-мусульман” формировались на базе идейного наследия многих мусульманских мыслителей, живших в самые разные периоды истории. Еще хариджиты, отошедшие от традиционной ветви ислама в 657 г., считали, что несправед-

¹ Керимов М. Ислам: происхождение, история и современность. – М., 1984. – С. 124.

² Указ. соч. – С. 28.

³ Жаров О. Его образ жизни – война // Азия и Африка сегодня. – № 10. – 1995. – С. 29.

ливого правителя, отступающего от заповедей ислама, надо не терпеть, а свергать. Хариджиты видели в халифе просто администратора, функционера, которого можно и нужно смещать, если его деятельность перестает соответствовать определенным критериям¹. В трудах Таки ад-дин ибн Таймийя, богослова начала XIV в. можно найти высказывания о том, как относиться к правителю, управляющему страной не в соответствии с исламом. Ибн Таймийя также отошел от традиции, согласно которой необходимо подчиняться правительству, а не восставать против него. Он считал, что если правитель нарушает ислам или способствует его не исполнению, то он неверный, а так как неверный, то не может возглавлять Умму, и против него нужно объявлять джихад, и, следовательно, правящего не по шариату, надлежит свергнуть².

Более того, такие случаи свержения правителей были нередки в странах с менее развитой культурой государственной власти. Этнографические наблюдения свидетельствуют, что по мере развития общества от доклассового к классовому, а потестарных отношений – к политическим существовало представление о непременно сакральном характере верховной власти в вождестве, понимаемом как форма позднотестарной организации, непосредственно предшествующая государству. Однако с переходом к раннеполитическим структурам (“раннее государство”) сакрализация верховной власти в той или иной форме и степени – от прямого обожествления ее носителя до простого восприятия его в качестве лица, в наибольшей степени пригодного для контактов с потусторонними силами, будь то предки или боги, – становится неременной чертой политической организации³. В частности, в Тропической Африке и в Полинезии правитель считался “ответственным” за материальное благополучие в виде плодородия земли, благоприятных для хозяйствования природных

условий или плодovitости женщин. И, таким образом, обычай умерщвления правителя, по мере того как слабеют его физические силы и умственные способности, представлялся естественным⁴.

После покушения египетских “Братьев-мусульман” на Насера один из их ведущих теоретиков – Сейид аль-Кутб развил воинственную концепцию “хакимия” (правление)⁵, согласно которой власть в стране принадлежит исключительно Богу. Правитель, не следующий в своей деятельности “законам Бога”, является узурпатором и должен быть свергнут в целях восстановления исламской законности (эти положения взяты из Корана). В интерпретации Г. Хекматъяра идеи “Братьев-мусульман” и концепция “хакимия” прежде всего означают приоритет интересов уммы (единой мусульманской общины) над интересами племен и других этнических групп. Из признания Хекматъяром этого постулата вытекает необходимость провозглашения централизованного теологического государства. Основываясь на приоритете ислама над всеми другими ценностями, он делает вывод о незаконности королевского и даудовского режимов как “гонителей истинного ислама и пособников проникновения в Афганистан коммунизма”⁶.

Весьма терпимый к своим политическим оппонентам, королевский режим в мае 1970 г. был вынужден применить достаточно решительные меры по разгону демонстраций мулл, протестовавших против “попустительства правительства коммунистам”, которые совершенно открыто отметили в своей прессе 100-летие со дня рождения Ленина. Весной 1972 г. после крупного столкновения фанатиков из мусульманской молодежи с левозэкстремистами из группировки Шоалейе джавид (“Вечное пламя”) был арестован ряд его участников. Среди них был Г. Хекматъяр, осужденный на полтора года тюремного заключения.

¹ Счеткевич А. Ислам и современность. – М., 1985. – С. 106.

² Там же. – С. 108.

³ Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Наука. – С. 81–82.

⁴ Фрэзер Д. Золотая ветвь. – М., 1982. – С. 47–63.

⁵ Керимов М. Указ. соч. – М., 1984. – С. 124–126.

⁶ Жаров О. Указ. работа. – №10. – 1995. – С. 29–31.

С ликвидацией монархии в 1973 г. и приходом к власти М. Дауда новый режим стремился пресечь деятельность исламских клериков, прибегая к жестким мерам. Дауд вообще был заклятым врагом “Братьев-мусульман”, к числу которых он относил не только фундаменталистов, но и некоторых традиционных религиозных авторитетов Афганистана¹. Решительную борьбу против фундаменталистов первым начал сам Дауд. В ночь с 19 на 20-е декабря 1973 г. было арестовано более ста религиозных деятелей, а через несколько дней еще около 500 сторонников “Братьев-мусульман”. Было раскрыто и подавлено несколько заговоров не только фундаменталистов, но и светских политических деятелей, в том числе заговор бывшего премьер-министра Афганистана Х. Майвандваля. Немало арестованных казнили еще при режиме Дауда, большинство же из них были расстреляны после революции 1978 г. Г. Хекматъяр и двум его сотоварищам по заключению повезло – в начале 1974 г. их выпустили из тюрьмы. Однако за время их отсутствия произошли перемены в руководстве Мусульманской молодежи, что отрицательно сказалось на ее единстве. На старые противоречия, которые после смерти А. Ниязи весной 1971 г. привели к расколу Мусульманской молодежи на два кружка, наложились и новые. Радикальная часть руководства организации (Г. Хекматъяр, С. Насратъяр) выступили за свержение режима Дауда “вооруженным путем”, за подавление левых сил и установление исламского государства. Более умеренно настроенные члены, в том числе и Б. Раббани, считали, что еще не пришло время для решения этой задачи. Весной 1974 г. Дауд нанес удар и по Мусульманской молодежи, арестовав ряд ее руководителей и активистов. Б. Раббани, Г. Хекматъяр и многие другие члены организации бежали в Пакистан, где правительство премьер-министра З.А. Бхутто организовало из них антидаудовскую оппозицию в противовес скрывавшимся в это время в Аф-

ганистане повстанческим отрядам пакистанских пуштунов и белуджей². Как уже было отмечено, с этой целью в Пакистане была налажена целенаправленная военная подготовка афганских фундаменталистов, и вскоре осуществлена их вооруженная вылазка на территорию Афганистана.

Эта акция была приурочена ко второй годовщине прихода к власти республиканского режима Дауда, праздновавшейся 17 июля 1975 г. Она была хорошо скоординирована и началась в ночь с 21 на 22 июля одновременно в Бадахшане, Панджшере, Кунаре, Лагмане, Логаре, Джалалабаде, Хосте и ряде других мест. Основное столкновение мятежников с правительственными войсками произошло в Панджшере, а также в соседних с ним уездах Гольбахар и Джабаль-ус-Сирадж. Это была весьма серьезная проба сил со стороны фундаменталистов, насчитывавших в своих рядах к тому времени уже более тысячи членов³. Однако тогда их выступление было подавлено армией. После провала вооруженного мятежа его участники снова скрылись в Пакистане, где и произошел окончательный раскол Мусульманской молодежи. Там же в 1975–1976 гг. при поддержке властей и исламско-фундаменталистских партий Пакистана Г.Хекматъяр создает свою Исламскую партию Афганистана (ИПА), а Б.Раббани – Исламское общество Афганистана (ИОА). Естественно, что каждая из этих партий претендовала на роль “единственного продолжателя дела Мусульманской молодежи”.

С самого начала ведущим идеологическим фактором в борьбе оппозиции против режима, возникшей в январе 1965 г. НДПА, стал исламский. Это объясняется сугубо политическими причинами.

Во-первых, для мобилизации крестьянских масс и использования традиции джихада удобнее всего было объявить, не вдаваясь в идеологические детали, режим НДПА именно кафирским (неверным), а не, например, левым, марксистским или социалистическим. Одновременно обосновывалась задача борьбы с со-

¹ Миронов Л. Профессор теологии, ставший президентом // Азия и Африка сегодня. – № 10. – 1995. – С. 14.

² См.: Жаров О. Его образ жизни – война. – С. 31.

³ См.: Миронов Л. Указ. работа. – С. 15.

ветским “кафирским” присутствием. Следует отметить, что НДПА во многом своими действиями облегчила задачу оппозиции, решив преобразовать сферу семейно-брачных устоев, тесно связанную с традиционным мусульманским укладом жизни населения.

Во-вторых, разрозненная оппозиция нуждалась в объединяющем начале, способном хоть в какой-то степени сдерживать центробежные тенденции в их рядах, и в качестве платформы объединения наилучшим образом подходил ислам.

В-третьих, что не менее важно, исламская мотивация сопротивления была продиктована внешними интересами. Президент Пакистана Зия уль-Хак предпочел активизировать лозунги именно исламской солидарности с афганской оппозицией, а не этнической – с пуштунами. Пакистан действовал в русле основополагающей идеи своей государственности, получал возможность оказывать влияние и координировать деятельность почти всего спектра афганских партий и организаций, независимо от их национального состава, укрепляя наряду с этим свои позиции среди исламских государств. Одновременно острые вопросы сепаратизма пуштунов в СЗПП и белуджей в пакистанском Белуджистане отходили на второй план. Определенным образом исламская мотивация афганской оппозиции совпала с интересами США, которые решали одновременно две задачи – противодействия Советскому Союзу и укрепления своего имиджа в мусульманском мире, который существенно пострадал после революции в Иране.

Следует отметить, что НДПА также предпочитала не активизировать в своей официальной политике этнический момент, так как

это угрожало обострением разногласий между фракциями Хальк и Парчам и ослаблением единства в борьбе против оппозиции.

Широкий размах явление политического ислама получает после апрельской революции и прихода к власти Народно-демократической партии Афганистана и, особенно, после ввода в Афганистан в декабре 1979 г. ограниченного контингента советских войск. Ответной реакцией на агрессивный атеизм нового кабульского режима, опиравшийся на прямую военную поддержку исторически дружественного, но отождествляемого с иной конфессиональной ориентацией государства, стало формирование движения сопротивления. В последующем афганский джихад начал опираться на широкую поддержку целого ряда стран, являвшихся противниками СССР в “холодной войне”, но начало движению положил открытый протест против революционной трансформации традиционного общества. Джихад против советских войск и режима НДПА изменил диалектику взаимодействия традиционного общества и процессов реформации. Последняя оказалась отождествлена с любыми проявлениями, которые не вписывались в традиционные представления, и одним из первых результатов сопротивления стало разрушение тысяч школ и административных зданий, убийство сотен учителей, уничтожение всего, что символизировало угрозу патриархальным устоям.

Появление на афганской авансцене движения “Талибан” и, особенно, оказанная ему массовая поддержка со стороны значительной части населения во многом стали проявлением этого же процесса.